

Курмангалеева
Ж.

Жалган

12+

Жанна Курмангалеева

Жалган

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Курмангалеева Ж. Е.

Жалган / Ж. Е. Курмангалеева — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Много у кочевников сказаний о великих ханах и батырах. Но история умалчивает о тех, о ком не сложили легенд, но память о ком неизменно хранится в бескрайнем степном просторе.

Содержание

Пролог	5
Глава I	6
Глава II	10
Глава III	15
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Пролог

Широка степь. Конца и края ей не видно, ветер гнет легкую траву, играясь. Клубятся облака в высоком вечном небе, молодая красавица-луна взошла над равниной, оглядывая свои владения и любуясь на свое отражение в бурном, неугомонном речном потоке, смутно высятся горы, все ближе и ближе. И везде в степном просторе дышит жизнь. Кружит над землей кречет, плещется в воде рыба, мелькает в траве корсак, выскивая мышшь, поют свою ночную песнь сверчки. Ржут лошади, пасущиеся на джайляу.

Ребенок, услышав этот благой для уха звук, вскрикнул от радости. Вывела река к людям. Спасутся теперь. Маленький человечек покрепче ухватил свою ношу, укутанную в одеяло, чтобы не дай небо не выскользнула из детских уставших рук. Босые израненные об камни ноги снова пустились в путь, норовящие закрыться глаза цепким взглядом провожали каждое движение.

Мальчик сладко зевнул, думая о теплой кошме и о сегодняшнем кошмаре. Ночью во сне увидел, как волки дерутся. Как скалят клыки!.. Страшно стало. А маме-то что? На тебе, сынок, овец, иди паси. Еще солнце не взошло, а он тут как тут. Блеяли овцы, лакая воду в реке. Большая теплая шапка сползла на лоб. Порывисто убрав ее с глаз, мальчик почувствовал, как пятки защекотал страх. Двигается что-то. Волк? Или какой-нибудь другой степняк? А может, человек?..

Что-то маленькое, грязное, с длинными волосами, вынырнуло из гущи высокой степной травы. Ребенок, примерно тех же лет, что и он сам. Маленький пастух молча стоял, не в силах сказать ни слова.

Ребенок, прихрамывая, подошел к нему. Тут мальчик увидел у него в руках свернутое одеяло. Беглец молча всучил ему сверток. Пастушонок покорно взял его и, опустив глаза, удивленно раскрыл рот. Малыш. Разбуженный, он заерзал в своем одеяльце и заплакал. Мальчик посмотрел на своего гостя, ожидая, что он скажет хоть что-нибудь. А тот, тяжело дыша, убрал волосы с лица. Тут только пастушонок увидел, что это – девочка.

Свет вдруг хлынул в степь, окрашивая потемневшую землю. Тень упала перед девочкой. Она обернулась, где за ее спиной над горизонтом медленно восходило солнце.

Девочка зашаталась и вдруг повалилась с ног. Мальчик успел свободной от младенца рукой поймать ее за локоть, прежде чем она стукнулась головой о землю. Наконец с мальчика спало оцепенение и он завопил что есть мочи:

– Эне-е! Па-апа, скорее, идите сюда!

Глава I

– Я сдеру с нее шкуру! Ее притащат ко мне на аркане! Уж я научу эту паршивую Селсаяк отвечать за свои слова.

Саткын, склонив голову, молча слушал, как его манап ходит по юрте, злится, кричит и от своего крика злится еще больше. Торговец в расшитых шелком одеждах смущенно сидел, поджав ноги под себя. Саткын со злостью поглядывал на виновника всего этого. Впрочем, откуда ему было знать, что новость о том, что какая-то там девица плетет неугодные манапу речи, так его взбудоражит.

– Пригрел змею на груди, растил под своим крылом, как родную, уберег от врагов... Камча будет ей уроком, прикажу рассечь кожу до костей, чтоб неповадно было... Найдите кого-нибудь, чтоб поехал туда!

– Мой повелитель, – влез Саткын, – позволь мне поехать. Мне все равно туда дорога лежит. Я Жылдыз знаю, поговорю с ней. Накажешь ее – и речи ее станут только дерзче. А я ей мысль твою, великий, передам в целости и сохранности, и она о тебе мнение изменит, и уважения проникнется. А люди потом говорить будут – какой наш правитель великодушный. Обещаю.

Громкие слова, но цель свою нашли. Манап долго смотрел на своего посла, и Саткын про себя улыбнулся. Дурак. Как тростинка – куда ветер подует, туда его и клонит. А ветер ему он, Саткын. И почему, о небо, досталась власть этому недалекому? По праву крови, не по достоинству. Справедливо это?

– Хорошо, поезжай, – наконец согласился он. – Но смотрите мне оба – доиграется твоя сестра, получит когда-нибудь, чего так добивается.

– Спасибо, повелитель.

Саткын смиренно замолчал. А манап спросил у торговца:

– А что там с Каракчы? Не слышно про него ничего?

– Слышно, великий, – с облегчением ответил купец, радуясь перемене разговора. – Продолжает свои гнусные набеги. Я сам не встречал, но по дороге сюда встретил туткунский караван. Идет понурый, потрепанный. Говорит – Каракчы, этот негодяй. Налетел, как вихрь, убил воинов, забрал товар, и унесся. Но, один из его парней сказал, что вроде как подстрелил негодяя. Тот-то все равно сбежал, но, может, помрет где-нибудь в степи.

– Да... – протянул манап, потирая подбородок. – Наших не трогает пока, и то спасибо. А разбойников в степи много было, и все мертвы. И этого поймают.

Поймают, про себя согласился Саткын. Но сколько людей перед этим еще погибнет – никто не знает, и даже манап этого сказать не сможет.

Дальше разговор слушать не стал. Незаметно вышел из юрты, начал собираться в дорогу. А что там собираться – седло на коне затянул да и скачи куда тебе надо. Куда там его анда ускакала в этот раз?

Жулдыз потянулась и огляделась. Наступила осень, ранний холодок пробежал по раскинувшейся на многие конные переходы степи. Невдалеке горы, подернутые дымкой. Мощные мускулы гнедой кобылы Буркит шевелятся, перекатываются, как волны в реке Авре. Зря приезжие степь однообразной зовут. Хотя куда им, никогда не бегавшим вольно по ее просторам, не слышавшим, как хрустит песок под ногами, не зарывавшимся лицом в гриву верного коня, не нырявшим в ледяные озера, не познавшим свободу бесконечной степи, неустанного ветра и высокого-высокого неба. Для других здешние территории были блеклыми, а для местных цвета ее и не могли быть ярче. Не за то ли стали они в глазах чужаков варварами, слишком высоко ценящими свою “дикую свободу”?

Она отвернулась от гор и направила взгляд на полночь, где был ее родной дом. Аул таулыков так никогда и не смог дать ей того, что осталось там. И уж конечно, для Жулдыз таулыкская горная местность и ее родная степь совсем не были одинаковы. Тут все другое. И небо, и светила, и реки с озерами. Скоро начнется перекочевка, кош ползет еще выше в свои горы. И она за ними... Столько лет уже что-то в ней толкалось на родину, повалиться в траве, вдохнуть знакомый запах, проскакать на лошади, раскинув руки, чувствуя жестокий, но свой, ветер на лице. Она еле сдерживалась, чтобы не гикнуть и пуститься в галоп. И так далеко уехала.

Вдруг она встрепенулась, выгнулась, как лук, висящий у нее на плече. Показалась вдалеке ее будущая добыча. Жулдыз тихо щелкнула языком, и шевельнула коленом. Лошадь трянула головой и повернула туда, откуда вышло солнце. Зацокали копыта по земле, и великолепный тулпар, поднимая пыль вокруг, начал набирать скорость. Приближаясь, Жулдыз прижала стрелу к тетиве и приготовилась к охоте.

Жулдыз скакала во весь опор, низко пригибаясь к шее Буркит, из-за песка почти ничего не видя. Когда прямо перед лошадью появились слабые очертания человека, Жулдыз резко откинулась назад и, придерживая добычу позади себя и шапку на голове, крикнула:

– Тпр-ру!..

Буркит мгновенно остановила свой бег и встала на дыбы. Жулдыз, успокоив кобылу, со злостью посмотрела, кто же оказался достаточно глуп, чтобы выскочить перед лошадью на полном скаку. До чего же удивилась Жулдыз, когда увидела, что от пыли стоит и отплеивается ее анда Саткын.

Она бросила шапку на землю и прыгнула за ней, на радостях даже не скривившись от боли, когда ступила на больную ногу.

– Привет, анда. Чего на дорогу выскакиваешь?

Саткын широко улыбнулся и подошел к ней.

– Откуда ж я знал, что ты и затоптать можешь?

Друзья засмеялись.

– Что ты в степи один делаешь? – спросила Жылдыз, когда они уже уселись на землю, как на щедро расстеленную кошму.

– Так ведь я не один.

Она весело покачала головой и достала нож из-за пояса – у нее кончались стрелы, надо было настрогать новых.

– Выполнил поручение манапа, великий посол?

– Выполнил, – не без гордости ответил Саткын. – Думал, вернусь, отдохну, съезжу с тобой на охоту, а тебя – нету.

Он присвистнул и неопределенно махнул рукой куда-то.

– Сидит Толкун дома одна, тоскует.

– А, Толкын... – тихо, как бы неохотно протянула Жылдыз имя сестренки, произнося его на свой, степной, лад. Они всю жизнь так и общались – каждый по-своему. – Ладно уж, не из-за моей же прихоти меня не было. Ты-то зачем сюда принесся, анда?

– Тебя найти.

– Зачем? – нахмурилась она.

– Манап гневается. На тебя, сестра.

– “Манап гневается”, – фыркнула Жылдыз, презрительно сплевывая и смахивая стружку с колен. – Мне нет дела до того, что этот дурень там делает, пусть хоть на голове стоит – мне все равно.

Саткын невольно усмехнулся, узнавая тупое упрямство анды на ее простом, грубоватом, бровастом лице.

– До него доходят слухи, что ты ругаешь его за его спиной, непристойные вещи говоришь. Ты бы осторожнее, анда, осторожность еще никого не погубила. И зачем ты это незнакомым выговариваешь?

– Ну, мелькнуло крепкое словцо, может быть, – она пожала мускулистыми плечами. – Понадобится – я ему все и в лицо выскажу.

– Он уже грозитя камчой с арканом, – предупредил Саткын. – Говорит, пригрел, растил, уберег, как родную...

– Растил? – прошипела Жылдыз, со злости втыкая не готовую еще стрелу в землю. – Никто меня в жизни не оберегал. Как родную... Не завидую же я его детям.

– Ну что ты это мне говоришь, сестра? Словно я не знаю, – успокоил ее Саткын, смотря, как она ломает руки, сдерживая себя.

Жылдыз достала стрелу и, увидев, что она переломилась, с досадой отбросила в сторону.

– Ладно. Попридержу язык за зубами, так уж и быть. Будь проклят этот торгош, чтоб я еще хоть раз кому-то дорогу показала!..

Он не выдержал, захохотал, глядя, как она ругается.

– Но спасибо, Саткын, что примчался сюда, сказал. В долгу не останусь.

Жылдыз встала, взяла саадак. Тут только Саткын заметил, что она подволакивает ногу.

– Что с ногой? – Нахмурился.

– Спрыгнула с лошади на полном скаку, ничего страшного, – отмахнулась анда.

Саткын уткнулся взглядом в землю, задумался.

– Я не только за этим прискакал, анда. Тут такое дело, – проговорил он, помолчав немного. – Есть еще кое-что. Манап собирается воевать с туткунами.

Она резко вскинула голову, услышав имя ненавистного племени.

– Надо узнать, сколько у них воинов, где их меньше всего, чтобы ударить крепче.

– И причем тут я? Я не воин, манапу не служу.

– Тут не воины нужны, а чалгынчы, разведчики. Ты жила среди них, анда, кому как не тебе знать?

– Как же плохи дела у этого манапа, если он на войну женщин отправляет? – с ехидцей спросила Жылдыз. – Жила среди них я недолго, и это было давно. И я никуда не еду, анда, можешь так своему повелителю и передать.

Она подошла к своей лошади, мирно гуляющей рядом.

– Нам достанется одна десятая доля от полученного. А как туткуны богаты, ты и сама знаешь.

Жылдыз остановилась, слушая.

– Ты чего-то не договариваешь, анда.

– Отказа быть не может. За отказ – казнь. Так что с одной стороны – горы золота, а с другой – смерть. Выбирай.

Саткын увидел, как она, стоя к нему спиной, сжала и разжала кулаки.

– Я не могу оставить Толкын так надолго.

Он понял, что она лишь ищет отговорку.

– Толкун мы оставляем каждый день. Она уже большая девочка, мы много ей оставили, мои родители с ней. И ты не подумала о еще одном. Как же месть, анда? Манап, может, и дурак, но все же понимает, что ты больше всех зла на них затаила. И если бы я думал, что ты откажешься, я бы сюда не приехал. Решай.

Жылдыз опустила голову, задумавшись. И обернулась. Саткын сидел, терпеливо ожидая ее ответ. Когда ж они успели вырасти, вдруг с тоской подумал он. Выросла сестра с того дня, как они впервые встретились, тогда, у реки. Вытянулась, окрепла, похорошела, фигура появилась. А этот бешеный огонь в глазах так и не потух.

– Хорошо, я поеду. Когда в дорогу?

– Прямо завтра.

Анда сжала губы, и Саткын понял – о сестре думает.

Вдруг Жылдыз огляделась и хохотнула:

– Ты что же это, пешком приплелся? Где твой конь?

Саткын залился краской.

– Сбросил он меня. Не знаю, как назад буду добираться.

Анда огляделась, меряя расстояние глазами.

– Бери мою лошадь. Ты впереди поедешь, а я за тобой. Не хочу показываться в ауле сейчас, днем...

Саткын поймал ее взгляд и ни о чем спрашивать не стал.

Жылдыз подошла к лошади и ласково погладила потную шею.

– Ты когда приедешь, мою Буркит не забудь отпустить, а то она у меня неволю не стерпит, – добавила Жылдыз.

– Угу, я отпущу, а она ведь сбежит.

– Не сбежит.

Уловив уверенность в ее голосе, он не стал расспрашивать.

– Ты так и едешь без седла, да? – со смешком спросил Саткын, с восхищением глядя на лошадь. – Неправильный ты кочевник, анда. Говорят же про нас, что мы родились в седле.

– Говорят, – не без гордости согласилась Жылдыз. – Но лошадь-то не родилась в узде.

Как приедешь, Саткын, скажи Толкын, что я вечером приеду.

– Скажу.

Саткын вскочил на кобылу. Жылдыз рассмеялась.

– Смотри, не свались!

– Постараюсь, – расхохотался он в ответ и коленями повернул лошадь, направив ее в сторону аила.

Глава II

Толкын пропустила свои тяжелые черные волосы сквозь пальцы и опустила взгляд на свое отражение в покачивающихся волнах, в честь которых ее назвала сестра. “К аулу нас вывела река. Шумели волны, вот я и назвала тебя Волной” – просто ответила Жулдыз тогда.

Вода мягко обволакивала ее голые щиколотки, приятно морозя их. Никому из девушек бы не позволили стоять вот так посреди дня, когда весь аул может видеть. А ей некому приказывать. “Ты везучая” – со вздохом как-то заявила Алтынай, с завистью глядя на нее. – “Никто тебе мужа выбирать не будет, никто за тебя твою жизнь не решает”. “Мне повезло, что я сирота?” – тогда прямо спросила Толкын. Ничуть не смутившись, Алтынай ответила: “Ты свободная! Не ценишь ты своего счастья”. И, махнув косичкой, девушка ушла. Правда в ее словах все-таки была. Она свободная, так, что речному потоку с ней в воле не тягаться. Только вот жить в одиночестве от этого не легче.

Толкын подняла ногу, отражение подернулось рябью. Вдруг чьи-то руки обхватили ее и сжали, не давая пошевелиться.

– Ха, попалась! Не уйдешь!

Страх сковал сердце. Толкын с силой наступила на ногу похитителя и, резко развернувшись, сбросила его в воду перед собой. Девушка хотела тут же убежать, но вдруг вынырнувшая физиономия показалась ей знакомой.

– Ой, Азат, прости!

Толкын бросилась к старому другу, помогла встать.

– Я не узнала тебя, я испугалась... А хотя ты сам виноват, нечего было пугать! – запоздало возмутилась девушка, толкнув его назад.

Растерянный джигит плюхнулся обратно в воду, подняв дождь брызг. Толкын против воли хихикнула и протянула руку.

– Ты сейчас замерзнешь, пойдем, высушишься.

Насквозь промокший, но все же довольный, он наконец поднялся.

– Привет, Толкун! Я...

Проведя рукой по голове, он обнаружил пропажу своей шапки.

– Э-эй, постой!

Парень неуклюже зашлепал вдогонку за медленно уплывающим малахаем. Толкын легко избежала вверх по склону и подцепила его веткой.

– Ее мы тоже высушим, – с уверенностью произнесла девушка, протягивая шапку Азату.

По колено в воде, сверху вниз глядя на нее, джигит раскрыл рот, но так ничего и не сказал. Толкын, улыбнувшись, нахлобучила малахай ему на голову и поманила его за собой. Вскарabкавшись на берег, Азат хотел последовать за ней, пока не раздался крик:

– Толку-ун!

Вскрикнув, девушка припустила прочь, бросив Азату:

– Прости...

Прибежав, Толкын увидела брата, спрыгивающего с лошади. С разбегу бросилась ему на шею, его жилистые руки нежно прижали ее к себе.

– Ты чего даже не сказал, что уедешь? – как бы с обидой спросила Толкын, когда он поставил ее на землю.

– Ну, я же ненадолго, – оправдывался Саткын, убирая черные волосы с ее лба. – А ты чего босиком, ты же простудишься! Жылдыз мне голову снимет, если я тебя простужу, так что иди-ка в юрту.

– Ладно, – неохотно согласилась Толкын.

Отпустив гнедую, Саткын прищелкнул языком.

– Ай, какая моя карындаш все-таки красавица!

Толкын бросила на него кокетливый взгляд из-за плеча и ускорила шаг. Саткын догнал ее и тихо сказал:

– Твоя сестра едет вслед за мной. Жди вечером.

Девушка замерла. Сестра... От этого слова веяло холодной пустотой юрты. “Где твоя сестра, Толкун?” – спрашивали ее соседи, не любящие произносить имя Жулдыз. “Уехала.” – “Куда? Когда вернется?” – “Не знаю...” Вспоминался ей и Бузык, двоюродный племянник манапа, с его заплывшим глазом и разбитой губой, которому не повезло пристать к Толкын, когда ее старшая сестра была рядом. Люди стали говорить о них еще больше, и сначала Толкын обиделась на Жулдыз, но с годами поняла, что таким образом сестра словно бы накрыла ее куполом, защищающим девушку в ее отсутствие. Кто бы теперь осмелился украсть ее, зная, что ее сестра не побоится ни неба, ни земляков, ни аксакалов, ни манапа.

Толкын откинула полог юрты, из темноты на нее дохнуло мрачной тишиной. Вздохнула. Саткын ушел. Куда – кто знает? А может, и не приходил. Вырос, важные дела появились. Разбредлись брат с сестрами в разные стороны. Девушка переступила порог, мимоходом рассеянно зацепившись взглядом за все еще белый узорчатый войлок, очаг, сундук, запасы еды. Богато живу. Вон, своя юрта есть, дойные кобылицы, а ведь совсем молодая, незамужняя. Это не ее достижение, конечно. Все добыли сестра и брат. Саткын нашел богатство на войне, а Жулдыз меч в руки не взяла. Сестра, отделившись от всех, перестала охотиться только ради еды. Начала возвращаться и с мясом, и шкурами. Потом, как-то на собственной лошади и арбе притащила юрту. После иногда дарила сестренке украшения. Говорила – проезжали купцы, обменяла на рога сайгаков. Толкын бы поспрашивала, но жизнь с Жулдыз научила ее не спрашивать ни о чем. Она, конечно, ответит, но в подробности не пустится. Вообще Жулдыз никогда не заменяла ей мать, да и не пыталась. Может, знала, что без толку, вот и не ласкала. Толкын, бывало, держала обиду на сестру, но никогда не забывала, что всем, что имеет, обязана ей. Саткын-ага точно так же растил ее, но тогда, в самом начале, из плена ее вынесла именно Жулдыз. Родители брата приютили, накормили, да, но никогда не шли на сближение с сестрами-приблудышами. Словно пустили их, боясь небесного гнева. И все-таки Толкын была им благодарна – могли и прогнать. Порой ей становилось их даже жалко. А Жулдыз... Трудно сказать, кого любит сестра. Чаще, чем проявляла уважение, она кривила губы в презрительной усмешке. Волы, которые так привыкли к ярму, что сами просятся под него – это Толкын читала в сестринских глазах. Может, чувствуя, что они тут лишние, а может, ради своего успокоения, Жулдыз оторвалась от них как могла скоро. Совсем еще девочка, научилась ставить петли и сети, чтобы добывать пропитание самой, не зависеть ни от кого, быть самой по себе. Толкын помнила тот день, когда сестра в буквальном смысле оплатила за приют. Она вернулась с охоты, как обычно, с тушей хулана на одном плече, и мешком на другом. Оставив мясо у очага на обед, встала перед хозяевами и протянула мешок. Он был многим меньше, чем то, что приносила раньше, но гораздо дороже. В этом убедились родители Саткына, раскрыв его. Там оказалась доха, дорогая, роскошная, лоснящаяся. “Это вам за все, что сделали для нас с Толкын.” – Ничего больше не говоря, сестра, пригнув голову, чтобы не задеть полог, вышла из юрты. Это могло походить на подарок от чистого сердца названной дочери, но на самом деле, и все это понимали, это был откуп. Вскорости Жулдыз поставила свою юрту, совсем перестала заходить. Да так, кажется, было лучше всем.

Это произошло совсем недавно. А Толкын смутно припоминала первые дни их охоты. Тогда, конечно, ходила не одна. От маленькой в то время сестренки толку не было, но вот Саткын честно разделял с ней труд и добычу. Девушка вспомнила хохот Жулдыз, вместе с братом вытаскивающей Толкын из пруда, куда ее утянула рыба.

А потом Саткын стал уезжать по делам манапа, Толкын стала чаще оставаться дома, и Жулдыз, словно цепная собака, почувствовавшая свободу, начала пропадать в степи на дни и

ночи. В детстве ее насмешливо прозвали Кезбе Жулдыз, или Жылдыз, а потом блуждающая звезда выросла в Селсаяк, бродягу. Теперь о ней говорили не с насмешкой, а с презрением, с непонятной ненавистью, тесно связанной со страхом. Откуда берет все эти богатства? Слишком уж хорошо у нее, безродной бродяги, шли дела.

Толкын передела мокрую одежду, натянула сапоги на холодные ноги, заплела толстые косы. Далеко еще до вечера, надо сходить, поискать брата. Просилось на шею ожерелье, недавно подаренное им. Может, Азата по дороге встречу... Толкын одернула себя. Не хотелось, чтоб соседи лишний раз завидовали. И так слава Жулдыз перекинулась на ее сестру, дразнить их еще больше не хотелось.

Давно скрылось солнце за горизонтом, а Толкын так и нет. Где она? В Жулдыз вскипала кровь от ожидания, но больше от того, что приходится прятаться – и от кого? Она сплюнула сквозь зубы. Да где же сестренка?

Вот показалась стройная, как тополек, фигурка Толкын. Идет себе враскачку, напевает, приплясывает даже. Что это ее, овод укусил? Да нет, она всегда была такой. Беспечная, легкая, как весенний ветерок. И хорошо. Жулдыз боялась, что вырастит из девочки вторую себя.

Притаившаяся за юртой Жулдыз внезапно выкинула вперед руку, зажала сестре рот. Девочка вздрогнула, но, быстро поняв, кто это, ловко вывернулась, и встала перед ней.

– Ты чего так долго? – проворчала Жулдыз.

– А что мне, со всех ног нестись к тебе, стоит только позвать? У меня, между прочим, свои дела есть, – деловито подбоченившись, заявила Толкын. Жулдыз хотела рассердиться, но не смогла. Только усмешка скользнула по губам, не удержалась. Толкын, заметив это, тоже улыбнулась и вздернула хвастливо подбородок.

– Эх, ты!.. – Жулдыз потрепала сестренку по голове.

Толкын мотнула головой, сердито сверкнула глазками.

– Не трогай мои чистые волосы своими грязными руками!

Жулдыз закатила глаза, но понимала, что синли это шутя.

– Хочешь прокатиться?

– Хочу! – Толкын встрепенулась, выпрямилась, как воин в строю.

– Тогда пойдем, Буркит там пасется.

Она уверенно направилась прочь из аула, радуясь, что может наконец его покинуть, и специально не оборачиваясь на сестренку. Толкын постояла немного и не торопясь последовала за ней. Они миновали последнюю юрту, чей-то пес оскалил на них зубы. Толкын вздрогнула, но Жулдыз не обратила внимания.

Жулдыз всмотрелась в степь и, сунув два пальца в рот, свистнула. Где-то послышалось ржание и легкий топот копыт. Гнедая кобыла вынырнула из тьмы, слегка освещаемой прикрытой, словно смущенная девица, облаками луной. Буркит весело тряхнула головой, Жулдыз ласково взлохматила длинную черную гриву.

– Ты когда в последний раз ездила на лошади? – Жулдыз краем глаза заметила очертания подошедшей Толкын.

– Как Саткын-ага перед походом дал, так и не ездила. – Девочка положила маленькую ладонь на морду Буркит. Лошадь шевельнула головой, понюхала Толкын. Она хихикнула.

– Разве ты не брала у его отца коня?

Толкын отрицательно мотнула головой.

– Чего так?

Толкын пожала худенькими плечами. Жулдыз грустно усмехнулась. Все-таки, несмотря ни на что, вырастила из девочки если не себя, то хотя бы достойное продолжение.

– Я же тебе говорила, ты можешь брать у них все. За что я доху отдала?

– Ты у них ничего не берешь, – упрямо стояла на своем Толкын.

– Так мне от них ничего и не надо. Я уже взрослая, сама могу за себя постоять, что надо – самой достать.

– Я тоже.

– Повзрослеть всегда успеешь, так что не торопись – пожалеешь. А теперь залазь, если хочешь проехаться.

Толкын с готовностью подпрыгнула, налегла телом на спину Буркит. Жулдыз поддержала ее за ноги, помогла вскарабкаться. Девочка откинула косу назад, гордо улыбнулась, глядя на сестру сверху вниз. Жулдыз невольно восхитилась. Красавица, не похожа на нее. Ну, это понятно. Отцы-то у них разные. Густые, черные волосы доставали до колен, смуглая кожа не тронута работой и палящим солнцем. Большие темные глаза, загнутые вверх ресницы, стрельчатые брови, вздернутый нос, полные губы несли в себе что-то нежное, доброе, улыбочивое. Сама тонкая, гибкая, как стрела. Очень похожа на мать в молодости. Жулдыз часто забывалась, глядя на сестренку. Хотелось, как в детстве, ткнуться ей лицом в плечо, вдохнуть дорогой мамин запах, намотать мягкие локоны на палец и смотреть, как они закудрявятся. Но потом просвечивало в ее чертах что-то чужое и виделся мужчина, высокий, грузный, красномордый. Внутри все съеживалось, и Жулдыз невольно отводила глаза, ругая себя.

Толкын слегка толкнула лошадь пятками в бока. Буркит резво понеслась вдаль. Ветер играл концами кос девочки. Лошадь все ускоряла бег, приподняв хвост от возбуждения, чувствуя нового седока и его ласковую руку у себя на шее. Развевающаяся грива закрыла от Жулдыз лицо сестры, но она чувствовала, что все хорошо. Сделав круг, не сбавляя темпа, Буркит со всадником, всхрапывая и поднимая пыль, остановилась рядом с ней. Сестренка, покрасневшая от ветра, улыбалась.

– Каково?

– Здорово! – Толкын пустила лошадь идти рядом с сестрой.

– Понимаешь теперь? Нигде больше нет этой... воли, – Жулдыз прикрыла глаза, на мгновение забыв о Толкын. – Не могу я променять это на жизнь в ауле рядом с людьми, которые меня ненавидят. Понимаешь? – снова спросила она, с мольбой заглядывая сестренке в глаза.

– Я всегда это понимала. Разве я когда-нибудь сказала тебе хоть слово?

Веселая искра исчезла с лица Толкын, она задумчиво прищурила глаза. И правда, не сказала. Может, знает, что если бы не она, Жулдыз бы этот аул больше и не увидела. Ее сестре стало совестно. Жулдыз почувствовала напряжение, с которым Толкын оглядывалась вокруг.

– Ты же помнишь, что кроме нас тут никого нет, верно?

– Да...

Девочка неохотно уперла взгляд в холку Буркит.

– Я тебе уже говорила, и повторю сейчас – я в ту ночь никого не видела. Тебе привиделось.

– Может быть.

Жулдыз поняла, что не рассеяла страх сестренки. Несколько лет назад Толкын призналась ей, что ее мучает воспоминание о каком-то степном духе. Единственное, что она, тогда еще младенец, запомнила из побега из аула туткынов. Но Жулдыз готова была поклясться, что никого тогда не видела. Да и не до духов ей тогда было. Если бы и встретился один – все лучше, чем туткынский воин. Не будь этого страха, Жулдыз бы давно откочевала от таулыков, стала жить отдельно.

– Толкын, мы с Саткыном уезжаем.

– Что? – Толкын придержала лошадь, уставилась на сестру.

– Утром мы уедем.

– Но вы же только вернулись!

– Появились срочные дела, надо ехать. Эй, это же не ради меня!

Толкын, не найдя, что сказать, обиженно поджала губы и надула щеки. Жулдыз невольно улыбнулась. Как раньше, когда она была совсем маленькой.

– Мы вернемся, когда первый снег выпадет. Обещаю.

Толкын молчала.

– Я тебе привезу серьги, красивые-красивые. Хочешь? – примирительно спросила Жулдыз, тыкая Толкын в спину, которой она к ней повернулась.

– Не нужны они мне.

– Как не нужны?! – Жулдыз всплеснула руками. – А что же на тебя Азат наденет перед свадьбой, а?

– Как... С чего ты это взяла? – сестренка отпихнула Жулдыз от себя. – Нужен он мне, как кобыле рога.

Толкын отвернулась, чтобы скрыть улыбку. Как-то в детстве Жулдыз раскрыла сестренке “великий секрет” того, как она узнает, когда та врет – Толкын не может солгать, не улыбнувшись. С тех пор сестренка, скрывая свои бесконечные пакости от сестры, неизменно прятала лицо.

– Только будь осторожна.

– Почему это? Ты когда-нибудь влюблялась, Жулдыз?

– Влюблялась. Хороший был парень. Правда, он ушел на войну и там умер.

– Не смешно, Жулдыз.

– Разве я смеюсь? Наоборот. Жалко мальчика. Слушай, Толкын, что я тебе скажу. Ты часто спрашивала про наших родителей, но я тебе не отвечала. Раз так, отвечу сейчас. Наша мать родилась и жила среди тиреков, пока ее не приехал сватать мой отец. Когда родилась я, у него появились другие жены, и скоро он забыл про нашу мать. Потом на далаборитов напали туткыны. Муж нашей матери не встал на нашу защиту... Мать попала в плен. Ее отдали твоему отцу, как трофей.

Толкын молчала. Жулдыз мысленно обругала себя. Зачем посеяла в сестренке то же зерно ненависти, которое зреет в ней самой вот уже сколько лет?

– Я не знаю, любила ли она далаборита. Не знаю, любил ли он ее. Но так это обычно бывает, наша мать не была единственной. Когда он позовет тебя в свою юрту, будь уверена, что у тебя будет не так.

– Может, он и не позовет вообще, – Толкын дернула плечом.

– Ну, это мы еще посмотрим.

Когда вернулись, была поздняя ночь. Буркит ускакала в степь, а сестры на остаток ночи улеглись спать. Толкын по-детски прижалась к сестре. Саткын так и не пришел.

Глава III

Саткын вскочил на коня, толкнул пятками лоснящиеся бока. Перед отъездом к родителям заезжать не стал. Саткыну с каждым разом становилось все труднее и труднее говорить с ними. Простые, всегда бедные, люди, они не понимали его стремления возвыситься над другими. Своими разговорами отец с матерью тянули его назад. А прошлое должно остаться за плечами, в ожидании, когда ветер унесет его совсем, оставив только смутные воспоминания. Свой сыновний долг он выполнил – старость обеспечил.

Жылдыз встретил на рассвете, когда она на цыпочках вышла из юрты. Сказала, что будет ждать в степи, у подножия гор. Что ж, пускай. Саткын понимал, конечно, почему его анда не терпит покинуть аил, раз есть такая возможность. Народ не особо жалуется Жылдыз, да и она не тянется к ним. Как не могут дружить волк с бараном, так и анда не уживается с людьми. Не ругается, не дерется (почти никогда), не снисходит до такой чести. Гордая, даже высокомерная, своенравная. Такие людям по душе не приходится.

Выехал в степь. Солнце только выплыло из-за горизонта, невдалеке несла свои лазурные воды река. Подъехав, увидел лежащую в траве анду.

– Жылдыз, доброе утро, – весело окликнул он.

Пригревшаяся на солнышке Жылдыз с неохотой приподнялась на локтях, щурясь, поглядела на брата.

– Долго ты, анда. Вы что, с Толкын сговорились за моей спиной?

– Поди найди кочевника, приходящего вовремя. А ты пешими пойдешь? Или за наш хвост схватишься? Так хочешь-не хочешь, а припоздаешь.

– Может, и пойду. Все равно из меня ходок лучше, чем из тебя всадник, – с ехидцей заметила анда и поднялась на ноги.

Прежде чем Саткын ответил, она пронзительно свистнула. Вскоре к ним подскакала гнедая кобыла Жылдыз. Человек и лошадь радостно пошли друг другу навстречу.

– И где ты только ее откопала? – удивляясь, спросил Саткын.

– Разве я тебе не говорила? – перехватила его взгляд, вспомнила, протянула: – А-а, точно... Откопала – это ты верно сказал, анда. Буркит сломала ногу, когда попала в лисью нору. Так я ее и нашла. Я ее вылечила. Теперь вот возит меня, платит долг. – Жылдыз с детским восторгом погладила лошадь по холке.

– А я думал, ты лечить не можешь, только калечить.

Жылдыз незлобиво оскалилась, обнажила крупные, словно звериные, клыки. В детстве во время охоты он, Саткын, повредил себе палец. Сейчас смешно было вспоминать, а тогда – смотреть страшно. Толкун закрывала ладошками глаза, отворачивалась, не могла на кровь смотреть. Сам горе-охотник сидел на камне, вытаращив больной палец и представляя смерть свою. Только Жылдыз невозмутимо ходила взад-вперед, с умным видом давая советы как ему лучше палец держать. В конце концов не выдержала, взялась за лечение. Нет чтоб домой вернуться, начали какие-то травы собирать, прикладывать... В общем, к вечеру палец распух окончательно, а Саткын больше никогда анда такие вещи не доверял.

Жылдыз взлетела на спину Буркит, окинула взглядом обширную степь, как полномочный ее владетель.

– Ты помнишь, анда?.. Совсем как тогда.

Саткын молча кивнул, подъехал к ней. Река Куа, аил рядом, лошади на выпасе ржут, на горизонте рассвет красуется и луна потихоньку блекнет на свету. Слова клятвы как сейчас звучали в ушах: “делить одного коня, одну судьбу, одну беду, одну душу – клянусь”. Только тогда весна была, стоянка другая, пусть и река та же, на пастбищах кроме жеребцов и кобыл ревелись жеребята, цвела степь. А теперь осень – цветы склонили нежные головки, последние

теплые деньки отдавали привкусом ранней зимы. Да и он другой. В руках чувствуется сила, какой раньше не было, под ногами конь фырчит и рвет повод, меч оттягивает пояс. Появились заботы поважнее еды и игр, нет той легкости на душе, когда кажется, что все всегда будет так же, как сейчас. Уже гораздо позже Саткыну предстояло познать боль изменений, и смириться с ними.

И анда другая. Он должен это помнить. Несмотря на ее веселую открытость с ним, несмотря на то, что она, не думая, дала кобылу... Годы прошли, их не вернуть. Все меняется со временем, и люди, даже самые близкие, тому не исключение. Особенно такие, как анда.

Ни слова не говоря, они тронулись в путь. Вдруг анда крикнула:

– Посмотрим, можешь ли ты еще ехать, не сваливаясь с коня! Чу!

Буркут ускорила свой шаг, перешла на рысь. А когда Саткын с азартом подстегнул коня, лошадь анды пустилась в галоп. Ох, и хорошо мчаться вот так, на полном ходу! Посол манапа уже и забыл, каково это. Вроде и носит его повсюду туда-назад, а все равно мысли еще дальше. Каждый раз, когда ему казалось, что он уже нагнал Жылдыз, она вдруг, дразнясь, ускорялась еще пуще. Наконец конь под ним задыхался тяжелее, Саткын натянул поводья. Чыныгы с благодарностью остановился, опустил голову, защипал траву.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.